

Ю.И. Айхенвальд.

Гоголь

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/gogol/aihenv_gogol.html.

У врат нашего литературного царства стоят они оба, Пушкин и Гоголь, светлый и темный, благодарный и отчаявшийся. И нужны они, действительно, оба, как в народных сказках, для восстановления человеческой цельности, для возрождения богатыря или красавицы, нужна и живая и мертвая вода. Но Пушкин свою роль играет охотно и с увлечением, он доволен, - Гоголь же, создатель человеческой кунсткамеры, бог недовольный, отворачивается от худшего из возможных миров, который он сам же силой своего несчастного воображения исторг из небытия, или, во всяком случае, из отдельных и необязательных русских фактов. И, может быть, никто больше его не был объят великой тревогой писателя, мучительным сознанием ответственности, какую несет художник за то, что он послан в мир, за те впечатления и чувства, которые будет рождать среди людей воплощение его прихотливой мечты. И в самом деле, загадочный портрет, о котором рассказал нам Гоголь, до сих пор не уничтожен, и страшные глаза его не смежаются. Бессмертный ростовщик, в своем ли романтическом облике или низведенный до Чичикова, продолжает странствовать по свету, везде разбрасывая свои зловеющие семена, - и не находит себе покоя смятенная совесть его духовного создателя. Ибо талант обязывает: "на будничных одеждах не заметны пятна", между тем как праздничные ризы небесного избранника не должны быть запятнаны ничем. И вот Гоголя томит неусыпная мысль, что Бог требует его к ответу и каре за то осмеянное и обиженное человечество, которое он в своих книгах воззвал к жизни, что и сами обиженные преследуют его за грех насмешки и осуждения. И, в жажде искупления, кажется ему, что свой грех, свой смех он не только должен замолить у Святых мест, но и что надо выразить и выжечь все эти обличительные, несмиранные страницы, для того чтобы они исчезли из памяти современников и потомства. Пушкин, признательный к своему гению, в божественной наивности любясь своим дарованием, бросая ретроспективный взгляд на свои стихи, неколебимо и радостно верит, что он памятник воздвиг себе нерукотворный и назовет его на Руси всяк сущий в ней язык, - а Гоголь, темной ночью, пугая рыдающего мальчика-слугу, жжет свои страницы в печке и не ожидает для них участи феникса.

Гоголь не хотел быть тем, кем он был. Он страдал от своего таланта, от своего назначения, которое было ему предуказано свыше - Тем, кто распределяет человеческие способности и силы. Он хотел изменить направление и характер своего писательства, он пытался создать нечто положительное и назидательное, облечь плотью и кровью человечность прекрасную и нарисовать ее так же ярко и выпукло, как выходили у него явления дурные.

Но именно это и не давалось ему. Душевные порывы, трудная работа морального самоуглубления и самоочищения влекли его к идеалу, в высь, тогда как стихийная сила дарования, почти всецело обращенная на то, что в жизни есть пошлого и мелкого, пригвождала его к человеческим низинам. Его привлекало нелепое. Его художественное зрение невольно замечало все изъяны, все живые "прорехи на человечестве", и лукавый дух смеха, которого он однажды вызвал, не поддавался его обратным заклинаниям, не уходил, фатально прикрывая собою наглядные картины утешающей людской красоты. Кисть, утомленная неблагообразием, стремилась написать правильное и одухотворенное лицо; но как у художника Чарткова она была развращена золотом, так у Гоголя ее загубило пристрастие к смешному, и она бессильно выпадала из его рук. На полотне являлись фигуры неестественные, без кровинки жизни, какие-то бледные отвлеченности, и сам художник, "выскательный художник", свой лучший судия, приходил в отчаяние перед этой вереницей бездушных призраков, перед некрасивыми фантомами Улинек и Муразовых. Он не мог, не умел воплотить своих упований в реальные образы. Он мечтал о втором, о третьем томе "Мертвых душ", где нас должна была восхитить галерея иных лиц, иных типов, где "иным ключом грозная вьюга вдохновения подымется из облеченной в священный ужас и в блистанье главы, и почуют, в смущенном трепете, величавый гром других речей", - но пышные обещания оказались неисполненными, для положительного и простого не достало Гоголю внутренней силы, и мы имеем, во всей завершенности, только один, первый том печальной эпопеи, где расстилается перед нами поле, усеянное мертвыми костями, где нас удручают не воскрешенные автором, под его рукою и неспособные к возрождению безнадежно-мертвые души - и те, которые покупал Чичиков, и те, у которых он покупал. Ибо легче умертвить, чем воскресить.

Художественное бессилие в области серьезного Гоголь переживал как драму - оно было для него